

Продавец вечности

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Продавец вечности

Анна и Сергей Литвиновы

Знаменитый тандем Российского детектива. Новое оформление

Анна и Сергей Литвиновы известны десятками захватывающих романов. А еще их перу принадлежит около сотни интереснейших рассказов. В этот сборник вошли самые новые, написанные за последние два года и впервые собранные под одной обложкой.

Филолог становится похоронным агентом и находит ключ от сейфа с сокровищами...

В тихом московском дворе убивают руководителя колумбийско-российской фирмы «Камни-Кол»...

Девушка встречает на горном курорте своего тайного возлюбленного, всемирно известного пианиста...

Читайте эти и другие увлекательнейшие истории в новом сборнике рассказов Анны и Сергей Литвиновых!

Анна и Сергей Литвиновы

Продавец вечности

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Продавец вечности

Когда в доме дочь-подросток – все время на пороховой бочке. Вот и сегодня жена доложила:

– От Валюхи табаком пахнет.

Савва уже засекал свою деточку с папироской. Матери тогда не сказал, взял слово, что больше не будет. Обманула, значит.

– И что с ней делать? – причитала супруга. – Я картинку рака легких в интернете нашла, показываю, а она мне: «Мать, у тебя самой – рак мозгов». Дверью хлопнула и умчалась.

Супруга, Леночка, если злилась, выглядела чертовски хорошенькой, Савва всегда умилялся. Он в нее и влюбился – когда пришел в поликлинику на укол, а совсем юная медсестричка ругалась, что у него ягодица излишне напряженная.

Сейчас тоже обнял, шепнул в ушко:

– Да и пусть гуляет. Пойдем пока побесимся.

Но Леночка отпрянула:

– Вечно ты с сексом своим! Не до того!

– Что мешает?

Она взглянула словно на умалишенного:

- Не могу я! Когда дочь в пропасть летит. И денег в доме нет!

Умела жена нагнетать. Какая там пропасть - училась Валюшка прилично, по мужикам не шлялась. Да и с деньгами в семье не хуже, чем у других, недавно машинку посудомоечную купили. Но Леночка всегда недовольна. И никогда не забудет подчеркнуть, что она теперь в семье - главная кормилица.

Еще недавно ничто в жизни женоушки не предвещало блестящей карьеры. Леночка тарабанила в роддоме простой медсестрой, получала прожиточный минимум, радовалась редким шоколадкам от пациентов. Но недавно перевели ее в синекуру - пеленать, выдавать детишек счастливым родителям. Пятьсот рублей за девочку, тысяча за мальчика, а иногда и по пятерке совали. Жена зазналась неимоверно. Раньше был для нее «самым умным» и даже «Бисмарком», а теперь - «Кому твоя жалкая наука нужна!».

Древнерусская история и впрямь кормила не щедро. Но раньше Ленка ценила: график свободный. Савва всегда может дочку из садика подхватить, на больничном с ней посидеть. Гордилась, когда в любой компании он побеждал в умном споре. Всем хвасталась, что муж придумывает удивительные авторские туры по родимой стране. Нынче все не так. Подавай ей Египет, олл инклюзив, автошколу, машину, а на его любимую отраду - книги - пылесборники! - деньги тратить нечего.

И сексуально привлекательны, видите ли, только успешные мужчины.

Но Савва Леночку любил и потому все ее закидоны терпел.

Вот и сейчас он покорно убрал руку с пышного, горячего бедра и пошел крутиться по хозяйству. Заварил для жены чаю, принес ей к телевизору плед. Спроворил ужин.

Дочь явилась в три минуты одиннадцатого. Леночка выразительно взглянула на часы и хмуро потребовала:

- Дыхни.

Хотя и так понятно: от одежды дочкиной тянет терпким одеколоном, а от нее самой, на весь коридор, – клубничной жвачкой.

– Ты понимаешь, дура, что кожа желтая будет? Зубы в коричневых пятнах? – завелась Леночка.

Но юная, цветущая дочь лишь презрительно хмыкнула и швырнула в лицо матери сумочку:

– Докажи сначала! Нет у меня никаких сигарет!

– А если найду? – улыбнулся Савва.

В наглom взгляде дочки на долю секунды промелькнуло смятение. Но тон остался вызывающим:

– Попробуй.

Он в сумку даже заглядывать не стал. От жены (та показывала на дочкину куртку) отмахнулся и внимательно посмотрел на Валечку:

– Слово даешь, что не куришь?

Она весело отозвалась:

– Конечно, папуля!

– Хорошо.

Савва сходил на кухню, принес из аптечки пульсоксиметр – жена недавно притащила с работы: контролировать, чтобы в дом ковид не прокрался. Велел:

– Давай палец.

– И что мне твоя прищепка?

– Не прищепка, а прибор нового поколения. Специально для тебя приобрел. Определяет даже малейшую концентрацию угарного газа. Куда эффективнее древней иммунохроматографии.

Блефовал откровенно, но дочка стушевалась, отдернула руку.

А Савва добил:

– И сигареты я знаю, где прячешь.

Он отодвинул упрямыцу, вышел в подъезд, вызвал лифт. Валька маячила сзади, кусала губы.

Отец дождался, пока подъедет кабина, зашел, сунул руку в полость между лифтовым пространством и потолком. Легко нашел в пыли пачку тоненьких, девчачьих, папиросок.

– Откуда ты узнал? – в ужасе спросила дочь.

Савва не стал объяснять, что сам когда-то там прятал. Усмехнулся:

– Дедуктивный метод. И, кстати: у нас в серванте джин к Новому году стоит. Я в курсе, что бутылка давно открыта и ее водой доливают. К празднику в лучшем случае вместо сорока градусов десять останется.

Дочка сжалась. Супруга побагровела. Савва сказал:

– Не переживай. Нашу дочку все-таки не зря Валентиной зовут. Имя для самых крепких, здоровых и жизнестойких. Не будет Валюшка пить и курить, правда ведь?

Дочка, не веря в спасение, мышью проскользнула в свою комнату. Леночка с восхищением произнесла:

– Да, ты все-таки Бисмарк.

И немедленно добавила ложку дегтя:

- Но только если такой умный - почему такой бедный?

* * *

Леночка давно пыталась приспособить витавшего в облаках супруга к какому-нибудь денежному делу. От некоторых экспериментов удавалось отбиться, в других участвовал. Но везде, где иные преуспевали, - даже почти что в «профильном» репетиторстве оболтусов, - терпел крах. Однако Леночка не теряла надежды.

И после вчерашней разборки с дочкой-подростком осенила супругу очередная идея:

- Будешь родителей новорожденных по поводу имен консультировать!

- Как ты себе это видишь? - перепугался Савва.

- Да очень просто! Выписку люди часа по два ждут, и кто там только не крутится - все бизнес вертят. Шары надувные в небо выпускают, фотографии делают, памперсами торгуют. А ты своим умом зарабатывай. Предлагай, как лучше назвать, чтоб ребенок счастливым вырос.

Отбиться не удалось, и следующим же утром Савва под присмотром супруги отправился в роддом, как на казнь. Леночка убежала в святилище, а новоиспеченный консультант остался в тесном холле, где отцы и прочие родственники ожидали выписки наследников.

Народ в основном сидел в телефонах, коробейников отгонял. Кому здесь нужны его советы да еще платные? Но он вспомнил укоряющее лицо жены, тяжело вздохнул и обратился к самой дружелюбной на вид, немолодой, но подтянутой даме:

- Э-э, добрый день! Скажите, у вас внук или внученька?

Та наградила уничижительным взглядом:

- Добить решил?

- Чего? – растерялся он.

- Из жизни бы вычеркнуть этот день! Бабкой сделали! И ты тут еще соль на рану!

- А я был бы рад, – пробормотал Савва.

- Сгинь, – цыкнула женщина.

Может, отцы добрее?

Но первый же устроил допрос:

- Вы на каком основании консультируете?

- Я историк. Знаю значения имен. Святцы. В чем-то на астрологию опираюсь.

- Лицензия у вас есть?

- Э... для моих услуг лицензия не нужна.

- А кассовый чек выдаете?

- Давайте я вас бесплатно проконсультирую. Вы как хотите ребенка назвать?

- Макс. Но полное имя не Максим, а Максимилиан.

- Означает «самый большой». С одной стороны, неплохо. Но сразу возникает коннотация с Робеспьером.

- С кем?

– Автор «Господства террора». Убийца сотен тысяч человек.

Распахнулись двери, с младенцем на руках явилась его Леночка и голосисто позвала:

– Копейкин!

Жадюга всколыхнулся, кинулся, протянул руки к свертку. Леночка ребенка не отдавала, улыбалась. Она произнесла со значением:

– У вас мальчик. Красавчик. Здоровенький.

– Тыщу плати! – хохотнул кто-то из очереди. – А лучше пять.

– Опять вымогательство! – побагровел папаша. – Что у вас за организация? Сплошная коррупция!

Леночка фыркнула и молча сунула ребенка Копейкину.

Женский голос из толпы укорил:

– Зря ты. Вековая традиция.

– Я по контракту уже все оплатил, – отрезал папаша.

– Дай хоть консультанту соточку, – снова высказалась та же дама.

– Ему не денег, а в шею надо! Гадостей мне наговорил! – окончательно взъярился Копейкин.

Савва подкатил к сердобольной женщине:

– Давайте вас проконсультирую. По поводу имени для ребеночка.

Женщина взглянула весело:

- А чего голос такой загробный?

Врать не стал:

- Неприятно к людям приставать.

- Так и не приставай!

- Деньги нужны.

Она авторитетно отрезала:

- Таким образом точно не заработаешь. По профессии кто?

- Историк. Специализация по Древней Руси.

Женщина хихикнула – обычная реакция обывателя – и спросила (в тысячный, наверное, раз у него интересовались):

- На хрена тебе это нужно?

Раньше он пытался рассказывать – про строгую красоту «Слова о законе и благодати» и сейчас почти детективный сюжет «Повести о Петре и Февронии Муромских». Но взглянул в глуповатые ярко-синие глаза женщины и промолчал.

Та посмотрела оценивающе:

- Интеллигент, значит. Костюмчик тебе, кстати, идет. А звать как?

- Савва.

Она развеселилась:

- Как ты сказал? Саван? Себе-то что такое имя дурацкое выбрал?

- Это родители выбрали. И оно не дурацкое. Означает старец или мудрец.

- Да, Савушка, с тобой не соскучишься. Хочешь, на работу к себе возьму? Двести косых в месяц.

- А что делать?

- Вечность продавать.

- Не понял...

- Бизнес, конечно, грязный. И морально непросто. Но чтобы в штат попасть, люди по пять лет ждут. А тебя возьму вне конкурса. У нас чокнутых много. Вдруг тоже приживешься.

* * *

Когда муж больше года в параличе, уже не так и страшно, что помирает. А те, кто осуждают за жестокосердие, пусть попробуют сами денно и нощно, без помощников, тягать, переворачивать, подмывать, кормить через трубочку, впихивать таблетки и с ангельским ликом сносить вечно дурное расположение духа.

Супруг, честно сказать, и в здоровом состоянии был тот еще подарочек. Но семью кормил, подарки дарил, руку не поднимал, потому Марьяна терпела. И даже когда паралитиком стал, в благодарность за все хорошее старалась не тиранить. Почти. Но уж после того, как призвали, наконец, страдальца на вечный покой, перед собой лицемерить не стала. Закрыла покойному глаза – руки не дрожали. Передела кофту – ту, что муж в агонии обслюнявил, сначала отнесла в стиралку, но потом передумала и швырнула в мусор. Подошла к зеркалу, легонько подкрасила глаза, положила на губы сдержанный блеск. Хватанула рюмочку за помин новопреставленной души и без всякой дрожи в голосе пошла звонить, сообщать экстренным службам о прискорбном событии. Ритуальщиков беспокоить не стала – говорят, стервятники на свежий труп сами слетаются. И хорошо. Пусть побольше понаедет – последних распоряжений супруг, в паралитической скуке, наоставлял немало.

Как и предупреждали знающие люди, первый похоронный агент явился через пятнадцать минут – задолго до «Скорой». Толстый, шумный, настойчивый дядька сразу начал совать под нос эксклюзивный договор, полный цикл услуг навязывать.

Марьяна охолонила:

– А вы мобильную связь в гроб предоставляете?

– Чего?

– Муж велел: чтобы обязательно встроенные динамики. Телефон с усиленной батареей. На двести часов, и заряд должна держать минимум год.

Бодряк хмыкнул:

– А на фига? Раз умер дома, значит, всяко вскрытие будет, там точно добьют. Не останется у него технической возможности позвонить.

– На фига – это не вам, а мне решать, – отрезала Марьяна. – И раз не можете оказать услугу, нечего тогда про полный цикл трепаться.

Но толстяка не прогнала – пусть остается, конкуренцию создает.

Очень быстро подтянулись и другие – мадам в черном бархатном пиджаке с алой гвоздикой в петлице, трепетный, тонкокостный дядечка с лицом школьного учителя, гламурный молодой человек с наглым взглядом и помадой на губах куда ярче, чем у нее. Марьяна всех приветила, отвела в мужнин кабинет, велела вести себя тихо, ждать. Сама пока что встретила докторов, полицию, провела к смертному одру. Отвечала машинально на вопросы представителей власти и ломала голову: черное платье с длиной чуть выше колена – это траур или уже легкомыслие?

Ей всего пятьдесят четыре, она заслужила право немного побыть веселой вдовой. Как воздаяние за годы скучной семейной жизни, ангельского терпения и аскезы.

Когда спровадила докторов, полицейских и тело супруга (санитары выторговали тысячу рублей за дезодорацию и десять тысяч за макияж), отправилась в кабинет. Лица у агентов красные, вид взбудораженный – явно все это время ругались. Но драки вроде не устроили, мебель цела.

Но хотя друг другу конкуренты, цены снижать отказались тоже дружно. Да еще причитают: мол, нельзя, чтобы транспорт у одних, а ресторан – у вторых. Горланят в три глотки, каждый своим эксклюзивным договором размахивает. Только тихоня в костюмчике в общей склоке не участвует.

– Тогда конкурс устрою, – решила Марьяна. – У кого из вас оркестр есть?

– У меня имеется! Духовой! – радостно отозвался толстяк.

– Боже! Какое дурновкусие! – закатил глаза рафинированный.

– Зачем вам этот пережиток прошлого? – укорила дама в бархатном пиджаке. – Похоронная музыка несовместима с православным отпеванием!

– Мне не духовой нужен, а чтобы скрипки, – вспомнила Марьяна. – Супруг какой-то «Эйр» хотел. Это Бах, что ли. Или Бетховен. Точно не помню.

Похоронщики примолкли, в недоумении уставились друг на друга. В наступившей тишине из дальнего угла гостиной донеслось:

– Бах. «Эйр», она же Сюита номер три. Исполняет струнный оркестр. Скрипки, альты, виолончели, контрабас. Лучше шестнадцать человек, но шестерых вполне хватит. Можно студентов консерватории позвать. И стараться будут, и возьмут недорого.

– А этого, как его... Альбинони, – вспомнила Марьяна еще одну мужнину волю, – смогут?

– Для Альбинони, конечно, идеален орган. Но есть прекрасные вариации, когда главную партию исполняет солистка. Или гобоист. – Без запинки оттарабанил культурный.

Прочие поглядели в его сторону с ненавистью.

- Цена вопроса? - спросила Марьяна.

- Студенты вечно голодные, - сдержанно, сообразно скорбному поводу, улыбнулся скромник. - Тысяч за пятнадцать сговоримся.

- А гроб с окошечком у тебя имеется в прайсе? - вспомнила еще одно пожелание супруга Марьяна.

- Откуда у него?! - взорвалась дама в бархате. - Он из частной лавочки! Только ящики небось деревянные! А у нас - ассортимент. Связи! Государственная структура!

- И вообще, не видно, что ли: лопух! С таким тело будете с утра до обеда ждать! На кладбище уже к ночи приедете! - подхватил багровый толстяк.

Но Марьяна только усмехнулась:

- Баста, карапузики. Пусть лопух, зато стараться для меня будет.

Худосочные и не приспособленные к жизни, не совсем в ее вкусе. Но после мужниных отекавших, вялых пальцев на артистичные кисти похоронного агента она смотрела почти с вожделением.

* * *

В нищете супруг не оставил, и торговаться за каждую рюшечку на гробе Марьяна не собиралась. Но культурный (нет бы пользоваться моментом и впаривать самое дорогое из прайса) со смущением в голосе предложил:

- Мой служебный долг - развести вас на максимум, но я хотел предупредить: цены в прејскуранте завышены минимум втрое. Не связывайтесь с ритуальным агентством. Все услуги возможно заказать самостоятельно. Автобус напрямую в транспортной компании, гроб - у производителя.

Марьяна взглянула внимательно:

– Твой-то интерес в чем? Хочешь от своего агентства слевачить? За комиссионные от гробопроизводителей?

– Нет, нет! – возмутился тот. – Я ничего ни от кого не получаю. Просто перед вами неудобно. Такое горе, мужа только что потеряли. А тут мы – на вашей беде наживаться.

– Тебе что до моей беды?

– Ну... вы такая красивая и незащищенная женщина, – смутился интеллигент, – не могу я на вас бизнес делать. Хоть и обязан.

– Да, – фыркнула она снисходительно, – ты бизнес вряд ли сделаешь. Кто тебя в агенты-то взял?

– Первый заказ. Испытательный срок.

Марьяна вырвала из его рук многостраничный прайс-лист, быстренько пролистала, наморщила нос:

– Хм. «Рытье могилы класса люкс, двадцать семь тысяч рублей» – это, конечно, сильно.

– Вот и я говорю, – подхватил он, – яму вырыть – это максимум тысяч пять. Требовать двадцать семь – подлый расчет на то, что вы от горя ничего соображать не будете.

– Не волнуйся. Я способность соображать не утратила, – заверила Марьяна. – Но по производителям бегать и копейки выгадывать у меня времени нет. Так что доставай договор, или что там у тебя, будем выбирать. Давай начнем с гроба. Муж хотел, чтоб обязательно красного дерева и ручки бронзовые. Такой в преискуранте имеется?

* * *

Набрала в итоге всякого-разного по классу люкс на две странички.

Костюмчик – от масштабности заказа он выглядел совсем растерянным – подвел итог:

– Два миллиона восемьсот тридцать две тысячи. И... это ресторан еще пока не включен.

– Ясный перец, помины на сто персон где-то во столько же встанут! – хохотнула Марьяна.

– Я вынужден просить у вас авансом, – покраснелся скромник. – Всю сумму.

– Ща.

Муж свою будущую кончину обсуждал со странным, мазохистским удовольствием, и уже давно велел Марьяне: запастись наличными загодя, ибо оплату по карте похоронные агенты вряд ли примут, а бегать по банкам, когда в доме смерть, не с руки. Сумма, что казалась новичку огромной, вдову совсем не смутила: всего-то три пачки по сто тысяч в каждой. Можно, для ровного счета, ещё пару венков заказать. Но принести деньги не успела. Шла мимо своего будуара – и встала. Это что ж за дела?!

Марьяна прекрасно помнила: сразу после кончины мужа, еще до того, как в доме явился первый похоронный агент, она святилище свое заперла и ключ бросила в карман домашних, черно-траурных, брючек. А сейчас – дверь открыта. И замок, похоже, взломан – через него идет огромная, кривая царапина. Кто посмел? В квартире, конечно, много постороннего народа побывало – «Скорая», полицейские, санитары. Но она, хотя старательно изображала вдову в прострации, бдила зорко: чтоб из гостиной, где мертвое тело, никто не выходил. И в коридор (дверь туда оставалась открытой) постоянно поглядывала. Никого там не было, агенты склочничали в мужнином кабинете и оттуда не высывались. Или она пропустила?

Ладно. Она вошла в спальню, отодвинула картину с Венерой Милосской, осмотрела сейф. Вроде заперт и цел. Достала ключ. Замок, заботливо смазанный ещё мужем, приятно щелкнул – и Марьяна в изумлении застыла перед открытой дверцей. В сейфе оказалось пусто. Ни денег, ни украшений золотых.

Вот, значит, как! Она вернулась к агенту-интеллигенту, сухо спросила:

- Тебя как зовут?

- Савва. Савва Сторожевский.

- Скажи мне, Савва, вы когда в кабинете отношения выясняли, из него кто-то выходил?

Пауза. Он смутился.

- Ну? - нахмурилась Марьяна.

- Д-дама. Дама в костюме.

- Куда ходила?

- Сказала, что э-э... поправить прическу.

Мужчина встретил ее пронизывающий взгляд и поспешно добавил:

- Только я думаю, что она ходила не в туалет.

- Почему?

- Когда спор из-за клиента... из-за вас... начался... остальные двое от души за заказ боролись. А эта, хотя вроде и орала громче всех, заключать с вами договор не собиралась. Вообще.

Савва замолчал. Взглянул испуганно, исподлобья.

- С чего взял? Давай, не тяни! - поторопила Марьяна.

- Ну... мне сразу показалось, по всему поведению: она с другим резонансом в вашу квартиру явилась. К двери несколько раз подходила, приоткрывала и в коридор

выглядывала. А когда шум начался, – потупился он, – я так понял, в момент, когда тело вашего супруга покойного выносили, пробормотала про туалет и шныркнула прочь из комнаты.

– Вот почему я ее не видела! – в азарте вскричала Марьяна. – Сама тогда в подъезд выходила: санитаров до лифта проводить, супруга на прощанье облобызать. Она, видать, и проскочила!

– А что случилось?

Вдова в удивлении отметила: интеллигентская растерянность с похоронного агента разом слетела, лицо увлеченное, почти решительное.

– Деньги из сейфа пропали. Пять миллионов. И вся ювелирка.

– Та-ак, – протянул он нараспев, будто заправский следователь. – Замок сломан?

– То-то и странно, что нет. Я ключом отперла. А вот дверь в комнату мою, похоже, вскрыли отмычкой или еще чем. Я в этом не разбираюсь.

– Позвольте взглянуть?

– Смотри.

Она пожала плечами, повела за собой. От великолепия ее будуара – с золотой лепниной на потолке, антикварной двуспальной кроватью на витиеватых ножках и искрящейся хрусталем люстрой – скромник Савва аж зажмурился, но быстро взял себя в руки. Осмотрев входную дверь, он констатировал:

– Замочек здесь символический. И отмычка, насколько понимаю, простейшая.

– Спасибо, утешил! – огрызнулась Марьяна.

– Но даже самый несложный сейф открыть гораздо сложнее.

Он подошел деловитой походкой, оглядел и уверенно заявил:

– Следов взлома нет. Здесь точно не отмычка. Использовали родной ключ. Ну, или его дубликат. Вы ничего не потеряли?

– Ну, мой – всегда при мне, – продемонстрировала Марьяна.

– А дубликат? – взглянул он испытующе.

Вдова поморщилась:

– А про дубликат, мой милый Савва, я наверняка утверждать не могу. Однако могу тебе сообщить, что у мужа имеется дочка от первого брака. Очень ушлая, расчетливая особа. Он, слепец, ее агнцем считал, всячески в наш дом приваживал, хотя я и протестовала.

– Может быть, дама в бархатном пиджаке на нее чем-то похожа? – вкрадчиво спросил Савва.

– Да ни черта она не похожа. Но Люська сама бы и не стала мараться. А вот асоциальную личность на грязную работу нанять – для нее вообще не вопрос. Дама без принципов.

– Если женщина в бархатном пиджаке исполнитель, мы и на заказчика легко выйдем.

– Как?

– У меня имеются четыре фотографии предполагаемой воровки, – похвастался Савва. – Две профиль, две анфас. Сделал тайно. Можно пробить по соответствующим базам.

– Ты, что ли, детектив-любитель? – насмешливо взглянула Марьяна.

– Я историк. А в развитии событий – особенно в нашей стране – немало детективных загадок. Вот и поднаторел. У меня еще вот что есть, – он триумфально извлек из кармана и продемонстрировал целлофановый пакетик на застежке. – Волос ее. Когда увидел, что странно себя ведет, с пола подобрал. На всякий случай. Как возможный образец ДНК.

- Да, Савва, ты крут! - похвалила вдова.

А дурачок - вместо того чтоб пользоваться моментом, цену себе набивать - беззащитно улыбнулся:

- Я не для крутости, а просто для собственного удовольствия за людьми наблюдаю. Но прежде пригодились только для мелочей всяких. Вычислить, например, где дочка сигареты прячет.

Из-за дочки Марьяна расстроилась, но вида не подала.

- Полицию вызывать я не буду.

Он опешил:

- Пять миллионов и золото преступникам отдать?!

А вдова снисходительно отозвалась:

- Не такой уж ты и внимательный. Я тебе что сказала? Дочка мужнина - та еще стервь. У меня давно подозрение имелось, что папаша ей ключ от моего сейфа вручил. Думаешь, я б в такой ситуации деньги там оставила?

- Но вы ж сами сказали! Было пять миллионов!

- Не миллионы, а бумага цветная. Специально заказывала фальшивки в хорошем качестве. А золото - копии и бижутерия. Пойдем со мной. Я тебе настоящий сейф покажу.

- Зачем? - покраснелся он. - Просто принесите деньги, я здесь подожду.

Но вдова жарко облизнула губы:

- Нет уж, Савва. Боюсь я теперь одна - раз в доме вор побывал. Пойдем. Будешь моей защитой.

Из будуара, через коридор, прошли в мужнину спальню. Когда-то очень кобелиная, обшитая дубовыми панелями комната давно превратилась в филиал комфортной больничной палаты. Бархатные портьеры сменили на эргономичные жалюзи, чучела совы, кабана и лисы – охотничьи трофеи супруга – обернули в пленку, массивный диван заменила ортопедическая кровать с пультом управления, кожаное кресло – инвалидная коляска.

Постель еще хранила контуры мужниного тела, терпко пахло нашатырем – когда благоверный начал кончаться, Марьяна честно пыталась привести его в чувство. Савва, явно непривычный к местам, где побывала смерть, заробел совсем уж очевидно – смех, а не похоронный агент. Чтоб разогнать торжественную и гнетущую атмосферу, вдова плюхнулась в инвалидное кресло, щелкнула кнопкой пульта, врубила *While my guitar gently weeps*, объяснив:

– «Битлов» муженек любил.

– Встаньте, пожалуйста! – взмолился Савва.

– Почему?

– Плохая примета!

Она отмахнулась. Ловко подцепила ноготком панель, что покрывала подлокотник, объяснила:

– Ключ там лежит. Тот еще Гобсек был. Уже еле дышал, а богатства свои каждый день проверял. Поглядит на них – и будто сил прибавляется.

– Он же вроде парализованный был?

– Минимальная подвижность сохранялась. Руку мог приподнять, и два пальца работали, – поморщилась Марьяна. – Ими ключ и держал. А отпирала я, конечно.

Она всунула ладонь в узкое пространство, заворчала:

– Черт! Опять, видно, за обшивку завалился. Знаешь, какой однажды скандал устроил? И воровка я, и ограбила его. А ключик маленький, плоский, просто в

щелку юркнул.

Марьяна продолжала безуспешно искать, Савва все больше хмурился. Наконец женщина с растерянным видом вытащила из полости руку и прошептала:

- Нету. Но как? Кто мог?

- Ваш муж, возможно, перепрятал?

- Э...

- Чисто физически у него такая возможность имелась?

- Ну... он своими крюками ключ всегда доставал... Но только ведь два пальца, и то с ограниченной подвижностью. Часто ронял, злился. Как спрятать-то мог?!

- Он оставался один в комнате?

Марьяна отозвалась со злобой:

- Когда он там оставался! Вертелась с ним круглые сутки! Ни на шаг от себя не отпускал. Если не дрых, даже в туалете меня контролировал!

- Но вы же иногда спали?

- Здесь. При нем. - Она злобно пнула еврораскладушку, что стояла подле постели. - От каждого кашля вскакивала, то одно ему подай, то другое!

- В какой-то промежуток времени вы, от усталости, могли заснуть крепко, - возразил Савва.

- На хрена ему от меня ключ прятать?! В чем смысл? Есть свидетельство о браке, завешание. Я все равно его наследница, основная. Дочке он только дом на Кипре отписал.

- Значит, тогда ключ не нужен. Можно просто вызвать специалиста и сейф вскрыть.

- Нет. Нельзя! - взвизгнула она.

- Почему?

- Да потому что! В завещании про сейф ни слова. Так я забрала - и все мое, шито-крыто. А эти слесари небось будут акт составлять и содержимое описывать. А по закону - дочка тоже наследница. С ней, что ли, делить?

Савва поглядел на нее брезгливо, и Марьяна совсем уж разозлилась:

- Думаешь, не заслужила? Легко мне было? Больше года бревном лежал! Ни поссать, ни посрать, ни перевернуться сам не мог!

- Можно, я осмотрю кресло? - кротко попросил Савва.

- Нет там ничего, - в отчаянии выкрикнула она. - Я все обшарила!

- Вы на взводе. После стресса, - сказал он участливо. - Позвольте я взгляну сам?

Савва присел на корточки, ощупал своими музыкальными пальцами подлокотник, достал телефон, включил фонарик, внимательно оглядел полость и вдруг попросил:

- Пилочка есть для ногтей? Ну, или ножик маленький?

- Нашли? - просияла Марьяна.

- Тут какой-то конверт. Приклеен на скотч.

- Да ладно! Где?

Она подскочила и аккуратничать не стала - схватила, рванула. Вытащила фотографию и охнула.

Савва бесцеремонно разглядывал снимок из-за ее спины. В расслабленном тропическом интерьере, на фоне океана и пальм, двое. Марьяна в облегающем платье и худощавый, черноволосый латинос в льняном белом пиджаке. Стоят рядышком, позируют.

- Кто это? – потребовал он ответа.

- Рауль, – прошептала Марьяна. – Саксофонист. С круизного лайнера... Муж... считал, что у нас с ним что-то было. Хотя мы оба просто любили танго. Познакомились на капитанском вечере... танцевали несколько раз. Потом здоровались, конечно. Несколько раз ужинали за одним столом. Супруг всегда присутствовал. Он и сфотографировал нас!

- А круиз долгий был? – невинным тоном поинтересовался похоронный агент.

- Две... две недели.

Она неожиданно разрыдалась. Савва не утешал. Подошел к окну. Осмотрел массивный дубовый шкаф. Заглянул в прилегающий к комнате туалет.

Марьяна, продолжая всхлипывать, в мелкие клочки разорвала фотографию, выкрикнула истерически:

- Скотина! Как он достал меня ревностью своей! Даже сейчас, уже дохлый, – и все равно напомнить надо, подгадить! Сука. Я вспомнила. Дня три назад жарко ему, видите ли, стало. Кондиционер, майка легкая – все не то. Потребовал окно открыть на полную, подкатился и дышал. А меня на кухню погнал за водой со льдом. Видно, и выкинул ключ в тот момент. Теперь все, не найдешь.

Савва нахмурился, нерешительно спросил:

- А ваш покойный супруг вообще склонен был к спонтанным поступкам?

- К спонтанным? – нервно выкрикнула она. – Издеваешься? У него все по полкам, органайзеры, планы.

- А во время своего недуга... он сохранял рациональность?

- Крыша у него, конечно, ехала, инсульт-то обширный. Но счета, скупердяй, по-прежнему проверял. Слюнями все зальет и блеет: «Как может пачка влажных салфеток стоить пятьсот рублей?»

- А она может? - простодушно спросил Савва.

- В «Азбуке вкуса» и за тысячу бывает! - запальчиво отозвалась Марьяна.

Но почему-то покраснела.

- Что вообще в сейфе? - перевел разговор похоронный агент.

- Его коллекция - он эксклюзивные охотничьи ножи собирал. Очень дорогая. Ну, и денег сколько-то. Миллионов пятнадцать, наверно.

- В завещание это не включено?

- Нет. Нотариусу я уже звонила - еще до того, как вы все явились. Последнюю волю муж не менял, распоряжения только про недвижимость. Про сейф - ни слова.

- Тогда зачем ему выкидывать на улицу ключ? - задумчиво спросил Савва.

- Мне досадить! Чтоб не наслаждалась, когда он сдохнет, а за деньги билась! Я-то с ним пусь-пусь, вась-вась, хотя могла б на сиделку скинуть, но такая сволочь разве будет благодарной? Обязательно хоть раз в неделю да скажет: «Что, ждешь не дождешься, когда я помру?» Или требовал еду его пробовать. Боялся, что отравлю.

- Он засек вас с Раулем?

- Ничего он не видел! - отозвалась она запальчиво. Запунцовелась, но твердо повторила: - Обычный корабельный флирт. Муженек тоже официанток щупал дай бог.

И вдруг напустилась на Савву:

- Что вы-то тут все разглядываете, щупаете?

- Мне кажется, - задумчиво произнес похоронный агент, - никуда ваш муж ключ не выкидывал. И в другое место в квартире перепрятать не мог. Даже если вы крепко заснули, коляска инвалидная в дверной проем все равно не пройдет.

- Да, точно...

- Значит, ключ здесь. В этой комнате.

- Но зачем ему надо это? - всплеснула руками Марьяна.

Савва взглянул внимательно:

- Он сколько, вы сказали, парализован был?

- Почти четырнадцать месяцев, но при чем здесь это?

- Вы наверняка устали за ним ухаживать. Покрикивали. Может быть, зло срывали.

- Ну... я старалась, конечно, себя в руках держать. Но иногда нервы сдавали. Это правда.

- А раньше - когда супруг был здоров - не имелось у вас привычки посмеиваться над ним?

- Да это он, наоборот, вечно до меня докапывался! Типа, сам элита, а я так, дворняжка. И книжки не те читаю, и фильмы неправильные смотрю. Не так одеваюсь, не так крашусь. Все не так!

Савва кивнул и снова зашагал по комнате. Он не спешил, останавливался, морщил задумчиво лоб. Марьяна больше не препятствовала - ждала, смотрела с надеждой.

На подоконнике похоронный агент обнаружил упаковку одноразовых перчаток и спросил:

- Это зачем?

- Мне ему задницу, что ли, голыми руками было вытирать?

Под кипой перчаток пестрел корешок книжной обложки. Савва заинтересовался:

- Чье?

- Мое. - Марьяна смутилась.

- Я взгляну?

- Ну, это я так, чисто время убить.

На обложке мускулистый красавец и скромная юница. Похоронный агент раскрыл любовный роман на середине, с выражением зачитал:

- «Его чувственные губы, квадратная челюсть, сумасшедшие кубики бицепсов, трицепсов и остальных мужских мышц просто сводили ее с ума».

Он не удержался и хихикнул. Марьяна зло сказала:

- И он тоже... Издевался.

- Вам не очень дорога эта книга? Позвольте ее потрепать? - попросил Савва.

- Да хоть в окно кидайте, - фыркнула она и добавила со значением: - При нем-то да - только читать. А теперь - другие возможности имеются. В реале. Более интересные.

Савва ее реплику оставил без внимания. Перетряхнул книгу, заглянул под корешок, слегка надорвал обложку. Никакого тайника не обнаружил, но задора не утратил. Пробормотал:

- Он, значит, себя элитой считал... Мужчина. Кормилец. А оказался полностью в вашей власти. Думаю, это тяжело.

- Лучше спросите, каково мне было!

Он отозвался с сочувствием:

- Догадываюсь. Марьяна, скажите: что самое неприятное, когда за лежащим ухаживаешь?

- Подгузник менять, - поморщилась она.

- А где вы хранили их?

- Тут, в ящике. - Женщина показала на выдвижную часть книжного шкафа.

Мебель дорогая, темного дерева. Савва, словно между делом, спросил:

- Что раньше тут держали?

- Ну, это мужнин был. Всякая мелочь. Карты игральные. Нарды. Бинокль.

- Понятно.

Он сел в инвалидное кресло, легко разобрался с управлением, подкатил к шкафу и спросил:

- Технически ваш муж мог его выдвинуть?

- Думаю, да.

- Давайте вместе осмотрим, - позвал он.

Выдвинули ящик, тщательно перебрали все оставшиеся подгузники, заглянули в проемы и щели. Пусто.

- Все равно что на дне морском искать, - в отчаянии вздохнула Марьяна.

- Не скажите. Он не спрятать хотел, а какое-то послание вам оставить. Символическое. Мы просто пока не можем понять, какое.

- Естественно, вы не понимаете, - сказала она язвительно, - он, конечно, после инсульта с придурью стал, но не настолько тупой, чтобы ключ от сейфа в подгузники пихать.

- Хорошо, - легко согласился Савва. - О чем ваш муж больше всего переживал, когда оказался заперт в комнате?

- Что путешествовать больше не может, - вздохнула Марьяна. - Все мечтал: хоть куда-то, хоть как. Думали за границу выбраться, в безбарьерную среду, но тут ковид, как назло.

- А когда путешествовали, сувениры из поездок привозили?

- А то! В гостиной, целый шкаф.

- В этой комнате ничего нет?

- Фотки только. Во втором ящике.

Она достала один из альбомов, пролистала, показала пустую страничку.

- Отсюда и взял. Тут мы с Раулем были.

- В ящике только альбомы?

- Господи, да смотри сам! Сыщик, блин, доморощенный. Тычется - то туда, то сюда!

- Могу уйти.

- Куда ты пойдешь - если я даже за гроб заплатить не могу?

Савва осторожно извлек альбомы. Просматривать не стал - разместил кипой на полу и спросил:

- А что за шкатулка здесь?

- Так. Разная дрянь.

- Я открою?

- Да пожалуйста.

Похоронный агент снова уселся в инвалидное кресло, положил на колени древний, чуть ли не девятнадцатого века, ящичек с резной крышкой и извлек из него зеркальные солнечные очки - ветхие, все в царапинах.

Марьяна прокомментировала:

- Это его первые. Импортные. У спекулянтов покупал за какие-то бешеные советские деньги. Еще когда в институте учился.

- Символы эпохи, значит, хранил...

- Чего?

- А это? - Савва взвесил в руках самодельный, потемневший от времени портсигар.

- От деда его рухлядь. Тот, что ли, политзаключенным был, сам сделал в каком-то ГУЛАГе.

Следом Савва извлек тоже старенький, исцарапанный стеклянный шар. Внутри - Эйфелева башня, елочка. Встряхнешь - белые хлопья кружатся, словно снежинки.

Лицо Марьяны разгладилось.

- Это я ему подарила. В первой нашей поездке. В Париж. Давно было, еще при динозаврах, в девяносто восьмом. Мы только поженились, а тут кризис, у мужа все сбережения в ГКО заморозились, бизнес подвис, но я все равно упростила, хоть в двух звездах. Он упрямылся, но поехал. И весело получилось, хотя реально копейки считали. Вина дешевого купим, багет горячий. Пьем - и целуемся. А этот шарик дурацкий он на Монмартре увидел, все разглядывал, переворачивал, снег туда-сюда гонял - так понравилось ему. Но не купил: целых сто франков, дорого казалось. Но я в день отъезда пораньше встала, сгоняла, за свои карманные взяла и уже в самолете ему вручила. Довольный был!

- А этот шарик разбирается? - подобрался Савва.

- Только попробуй! - побагровела Марьяна. - Хватит уже мне тут все ломать!

Но он резко дернул верхнюю часть, снежинки разлетелись по комнате, вдова вскрикнула... А на плиточный пол с громким звоном выпал ключ.

- Боже! Тот самый! От сейфа! - завопила вдова.

* * *

Савва вернулся домой за полночь, но обе его девочки не спали.

Леночка встретила в коридоре, лицо суровое. Металлическим голосом спросила:

- Тебе сразу чемоданчик собрать? Или попробуешь оправдаться?

- Не в чем мне оправдываться. Был на работе. Сложный клиент. Только что закончили.

Она подошла поближе, повела носом, скривилась:

- Антонио Бандерас! Electric seduction! Мускус и пачули. Боже, какая пошлость!

– Я бы на твоём месте радовался. Не самый плохой запах, учитывая специфику моей работы.

Лена приблизилась, встала на цыпочки, взяла его за подбородок и зловеще сказала:

– Румянёнький. Глаза масляные. Кто там у тебя скончался?

– Муж.

– Ясно. Клиентка, значит, вдова. Как в анекдоте: время проводил медленно и печально?

– Фу, Лена!

Дочка тоже выскочила в коридор, увидела отца в костюме, при чёрном галстуке, и начала ржать:

– Ой, пап, ты самый элегантный в мире похоронный агент. И лицо у тебя впервые – как у успешного человека.

Она покосилась на мать и злорадно добавила:

– Зря ты его тиранишь. Он сам от тебя уйдёт. Злыдня.

– Что вы опять не поделили? – вздохнул Савва.

– По химии двойку принесла, – умирающим голосом доложила жена. – И ещё смеет пять тысяч у меня кланчить!

– Зачем тебе деньги? – обернулся он к дочери.

– На кофточку! Со стразиками!

Савва достал из внутреннего кармана внушительную пачку – всю сдачу, почти сто восемьдесят тысяч, что счастливая вдова вручила ему «на чай».

- Ох, ничего себе! - Суровое Леночкино лицо мигом разгладилось.

Он протянул две купюры Валюшке:

- На. Наряжайся.

Еще десять тысяч взял себе:

- На книги.

Остальное отдал жене:

- Держи. Как ты там говорила: всех нас кормишь, а мы за твой счет живем?

- Савва, - Леночка глядела со страхом, - что ты, правда, сделал с этой вдовой?

Он сдержанно улыбнулся:

- Да ничего особенного. Просто примирил ее с вечностью.

У каждой смерти свои недостатки

I

Иной раз человек даже не представляет, кто о нем в этот момент думает.

Или - обращает на него внимание.

Или - обсуждает его действия.

Но так бывает.

Особенно когда гражданин – заказан. А обсуждают его – наемные убийцы.

Один из них выглядел совершенно мирно. Никто из припозднившихся прохожих, проходящих через двор дома, расположенного по столичной улице Звездной, даже представить себе не мог, за-ради чего на самом деле полумаргинальный тип отирается тут, на лавочке близ детской площадки. Малыши, которые днями оккупировали песочницу-горку-качели, теперь сидели по квартирам, капризничали над своей вечерней трапезой и вперивались в мерцающие сполохи мультиков на экранах телевизоров и планшетов. Поэтому мужчину не тревожили ни мамочки, ни няньки. Сидел он мирно в одиночестве на скамеечке, попилал что-то из пластиковой литровой бутылки, предусмотрительно спрятанной в пакет – классическая картина вечернего отдыха деклассированного элемента. И только очень внимательный наблюдатель мог бы заметить, что в бутылке у гражданина никакое не пиво, а простая вода, даже не газированная. Глаза же его с каждым глотком вовсе не пьянеют и не разбегаются, лицо не расплывается – напротив, остается жестким и собранным, а взгляд – внимательным.

В ушах гражданина торчали капельки беспроводных наушников, но не попсу, не рок и не рэп он слушал, как бы скрашивая себе вечернее пьянство. Ничего он, честно говоря, не слушал вообще – ждал сообщения, или лучше сказать, доклада, от своего напарника.

Меж тем смеркалось, и в восьмиэтажном доме-утюге сталинского образца, во дворе которого обосновался гражданин, зажгались за занавесками вечерние огни. Мужик добродушно прихлебывал из своей бутылочки, поглядывал на подъезды, на окна да иногда на сквозивших по двору девушек и дамочек. И вот в один момент – темнота к тому моменту уже опустилась на двор и на город, зажглись фонари – в наушниках раздался гудок вызова. Убийца коснулся уха, установив соединение.

– Он припарковался у гаражей, – проговорил голос, – идет к тебе. Серый костюм, портфель.

– Ты тачку не глуши, – безмятежно откликнулся «пьянчуга». – Я скоро подойду. Ты где конкретно стоишь?

– Там же, у гаражей.

А тут и «объект» нарисовался: типичный офисный работник, менеджер высшего звена, в прекрасных «ллойдовских» туфлях, дорогом костюме, полураспушенном галстуке, с винтажным кожаным портфельчиком. Он шел, спрямляя дорогу, от гаражей, которые помещались в глубине двора, к своему подъезду. Дома его поджидала верная супруга по имени Ксения, бокал, два или даже три хорошего белого вина или пива (чего конкретно, он пока не решил, но уже предвкушал): в холодильнике имелось и то и другое, а также игристое.

На беду, путь его пролегал мимо детской площадки, на лавочке близ которой угасал какой-то чухан. Тот даже не оглянулся на приближающегося «мэнагера». У него были крепкие нервы, он уже четвертый вечер следил за объектом и точно рассчитал, когда тот пройдет мимо.

Объект миновал скамейку и подставил убийце ничем не защищенную спину – не считать же защитой прекрасно скроенный костюмчик от «Хьюго Босса».

Убийца встал и окликнул его. Не потому, что посчитал зазорным стрелять в затылок или спину. Нет, в затылок, напротив, было бы как раз надежней. Просто хотел еще раз убедиться – собственными глазами, что перед ним та самая, заказанная жертва. А то мало ли какие ошибки бывают.

– Егор! – крикнул он объекту.

Тот инстинктивно обернулся.

Узнав его в лицо и убедившись, что человек в костюмчике – тот самый, убийца дважды спустил курок.

Егор не успел даже почувствовать боли. В этом смысле его смерть оказалась именно такой, о которой просят на литургии православные христиане: безболезненной и непостыдной.

На воскресную службу его иногда вытаскивала жена, и он запомнил эти строчки, неоднократно провозглашаемые дьяконом в молитве под смешным именованием «ектенья». Ксения все пыталась вымолить у Господа сына или дочку – лучше бы

пошла на ЭКО или к суррогатной мамаше. Именно об этом почему-то оказалась последняя мысль Егора. И о том, что будет теперь Ксения куковать совсем одна, даже без детишек... На этом его разум потух.

Вряд ли кончину Егора можно было назвать, как просят в той же ектенье православные, «мирной» – но у каждой смерти свои недостатки.

Сознание успело покинуть его, когда тело опустилось на гравий дорожки близ детской площадки – но убийца на всякий случай произвел контрольный выстрел в голову.

А потом сунул пистолет с глушителем во внутренний карман затрапезной курточки, подхватил пакет с бутылкой (было бы крайне неосмотрительно оставлять на месте преступления воду с образцами своей ДНК) и быстрым шагом удалился по направлению к гаражам, где ждал его в машине напарник.

II

Бывают иной раз случайности, которые обесценивают самое тщательное планирование.

Сводят на нет любую, самую осмотрительную подготовку.

Прямо-таки в прах и пепел повергают выстроенное, казалось бы, без сучка и задоринки здание.

Убийца знал: место преступления не попадает в поле зрения ни одной камеры. От взглядов из дома оно скрыто разлапистой липой (исполнитель не поленился, предварительно прошелся по подъездам и посмотрел в окна, выходящие во двор). К тому же он изменил внешность: красная бейсболка с длинным козырьком прекрасно оттягивала на себя взгляд, а запущенную бороденку можно будет немедленно после акта сбрить.

Но кто мог знать, что именно в момент убийства по двору будет проходить старший оперуполномоченный ГУВД Москвы капитан полиции Иван с говорящей

фамилией Коршунов, служащий в УУР (управлении уголовного розыска), и как раз в отделе, что расследует тяжкие преступления против личности! Да капитан ведь по жизни и не должен был находиться в описываемое время в означенном месте! Двор дома номер четыре по улице Звездной лежал в стороне от его традиционных служебных и личных маршрутов. Впервые решил он, холостяк, пожаловать в гости к девушке, с которой познакомился две недели назад на вечеринке. Она проживала в соседнем доме, под номером шесть, по той же улице. Он уже сводил ее в кино, а потом в кафе, и теперь им предстоял пресловутый «третий дринк», на который она пригласила его к себе домой и после которого Иван не без оснований надеялся на взаимность.

Шёл он от метро, неся в сумке коробку конфет и бутылку мартини, к которому девушка питала слабость (дарить цветы он считал пошлостью и неоправданной растратой), решил срезать путь через двор дома под номером четыре, где никогда раньше не бывал – и вот поди ж ты!

Невзирая на мерный городской шум, доносящийся с улицы Звездной, задыхающейся от трафика, капитан очень хорошо расслышал и идентифицировал звуки выстрелов из пистолета с глушителем, похожие на хлопки откупориваемого шампанского. Больше того: он видел собственными глазами, как гражданин в красной бейсболке, с бороденкой и пакетом из магазина «Магнит» стреляет в грудь хорошо одетого господина с портфелем, а потом производит контрольный выстрел в голову.

И тут Коршунов поступил наиболее правильным в создавшейся ситуации образом – за что впоследствии был отмечен в приказе по главку и награжден денежной премией. Он не стал кричать «стой!» или «держи убийцу!» – тем более что не имел при себе никакого оружия, а пытаться задержать наемника, вооруженного пистолетом и, возможно, имеющего сообщника/сообщников, при помощи приемов боевого самбо (которым, конечно же, владел Иван) было авантюрой чистой воды. Не стал он и пытаться оказывать помощь потерпевшему, тем более что выглядел тот непоправимо мертвым.

Капитан скрытно последовал за душегубом, стараясь не выходить на свет фонарей, держаться в тени лип и тополей и не шуметь. И он прекраснейшим образом заметил, как убийца возле капитальных гаражей садится в поджидающее его транспортное средство, а именно неприметную «Дэу Нексию», и ясно разглядел ее номер.

«Нексия» газанула по направлению к улице Звездной, а Коршунов немедленно позвонил дежурному по городу, назвал свое имя, должность, звание и кратко доложил о совершившемся преступлении.

III

О том, что происходило далее, капитан узнал лишь наутро – после того, как он проверил состояние жертвы (тот был очевидно мертв), дождался приезда дежурной бригады и даже навестил-таки (с двухчасовым опозданием) свою новую знакомую в доме номер шесть по улице Звездной. К слову, рассказ о только что произошедшем в соседнем дворе преступлении имел у нее заслуженный успех и полностью в итоге оправдал его опоздание. В результате покинул знакомую Иван только утром – но в это ответвление истории мы не станем углубляться, потому что к сюжету рассказа оно если и имеет отношение, то лишь самое опосредованное.

А с «Нексией», на которой убегали душегубы, произошло сразу после убийства следующее. Она через Ростокинскую эстакаду выехала на набережные Яузы. Именно там, на пересечении с улицей Лосиный вал, ее попытался тормознуть получивший ориентировку от дежурного по городу экипаж ДПС. «Нексия» законное требование остановиться проигнорировала и продолжила движение. Стражи порядка включили «люстру» и начали преследование.

– Водитель «Нексии», госномер такой-то, немедленно прижмитесь вправо и остановитесь!

Применять табельное оружие не стали – в попутном направлении следовало множество машин, по тротуарам расхаживали праздные москвичи.

Но пытаясь оторваться от преследования, «Нексия» проскочила на явный красный на перекрестке с Лефортовским бульваром. От нее попытался увернуться грузовик «Манн» (перевозивший строительный мусор), ехавший в поперечном направлении, однако все-таки задел автомобиль. Машину преступников завертело на месте, и она, каким-то чудом не задев больше ни единого авто, ткнулась в гранитное ограждение набережной.

Дэпээсники тормознули у тротуара и в азарте погони, с табельным оружием наголо подскочили к «Нексии». Душегубы в машине серьезно не пострадали. Понимая, что сопротивление бесполезно, оглушенные в результате ДТП, они вышли с поднятыми руками и были немедленно повержены на землю, а потом закованы в наручники.

Во время погони убийца даже не успел скинуть пистолет с глушителем, из которого сорока минутами раньше застрелили гражданина Егора Петровича Горчакова. «Макаров», в обойме которого не хватало трех пуль, был изъят и описан в протоколе.

IV

Теперь же мы перенесемся на некоторое время вперед.

Переместимся и в пространстве – окажемся в морге, где судебно-медицинский эксперт производит вскрытие гражданина Егора Горчакова. Так как для нас нет ничего запретного или невозможного, сообщим также, что на вскрытии присутствует изрядно поспособствовавший задержанию убийц капитан Коршунов. Неудивительно, что именно он, ставший благодаря счастливому случаю непосредственным свидетелем убийства, возжелал лично довести дело до логического конца и употребил все свое влияние, связи, а также толику интриг, чтобы оперативное сопровождение дела было поручено не просто его отделу, но конкретно ему.

– На месте происшествия обнаружены три гильзы от «макарова», но сами пули не найдены.

– Значит, они остались в теле.

Судмедэксперт одну за другой извлек из трупа три деформированные пули. Первая застряла в заднем ребре покойника, вторая – в позвоночнике и третья – в теменной кости. Опер собрал их, помятые, в пакетик.

– Отправим на баллистическую экспертизу, но на вид соответствуют пулям «ПМ» и, стало быть, оружию, обнаруженному в машине убийц.

Экспертиза заканчивается, и служащий морга вопрошает:

– Можно отдавать тело родственникам для захоронения?

– Да, отдавайте. Ничего больше этот гражданин нам не расскажет.

После того как все официальные лица покинули морг, служащий взял трубку, набрал номер и, сверяясь с бумагами, коротко продиктовал кому-то адрес потерпевшего:

– Улица Звездная, дом четыре, квартира сорок пять.

V

И только теперь мы встречаем второго главного, наряду с опером Коршуновым, героя нашего рассказа.

Он лежит в кровати рядом с прекрасной женщиной и спит, приобняв ее. Но звонит телефон, он просыпается, коротко и тихо отвечает в трубку: «Слушаю». Ему что-то говорят – и он готов действовать. Он встает и начинает одеваться.

Спящая женщина влажным спросонья голосом вопрошает:

– Милый, ты куда?

– Леночка, я на работу, – коротко отвечает он, накидывая на плечи белую рубашку.

– Жаль, – мурлычет она и снова засыпает. – Возвращайся скорей, я буду тебя ждать.

Выходя из квартиры, полностью одетый товарищ сталкивается с девушкой-подростком лет четырнадцати.

- Ты куда это, пап? – подозрительно вопрошает она.

- На работу.

- Пол-одиннадцатого. Не поздновато ли?

- Вот и я о том же, – усмехается герой, явно имея в виду, что дочь припозднилась с гулянки. – Ладно, завтра поговорим.

И выходит из квартиры.

VI

Последуем же за ним и окажемся близ того дома, где произошло убийство. Наш герой, в чуть менее прекрасном костюме, чем у убитого – но все равно хорошо сидящем и даже стильном, – и строгом черном галстуке входит в тот самый подъезд, куда направлялся ныне покойный, но в роковой день так и не дошел.

Он поднимается на восьмой этаж и звонит в квартиру номер сорок пять.

- Кто там? – раздается из-за двери напряженный и усталый женский голос.

- Ксения Степановна, у вас скончался муж? – Голос звучит с вопросительной интонацией. Молодой человек говорит не слишком громко, но очень внятно, и женщина по ту сторону двери прекрасно слышит его.

После затянувшейся паузы ей ничего не остается, кроме как ответить:

- Да.

– Примите искренние соболезнования в связи с постигшей вас утратой. Вам теперь надо уладить все необходимые формальности, и я приехал, чтобы помочь вам. Я похоронный агент, меня зовут Савва Сторожевский.

– Я никого не вызывала. – Разговор по-прежнему идет через запертую дверь.

– Да, я знаю. Но мы лучшие в своем деле, организуем достойно и тактично. Абсолютно все хлопоты возьмем на себя. Давайте вы откроете дверь, и мы с вами все обсудим.

После паузы щелкает замок, и на пороге является вдова. Она в черной водолазке и черной юбке, слегка растрепанная, заплаканная и несколько нетрезвая.

– Проходите.

Савва попадает в квартиру. Она большая, видимо, четырех- или даже пятикомнатная, с высокими потолками и прекрасно обставленная. Но пока что жилище остается за кадром, потому что вдова приглашает похоронного агента на кухню. Там беззвучно мерцает телевизор, возвышается труба наглухо заваренного мусоропровода, а на столе притулилась наполовину опорожненная бутылка вина и бокал, на дне которого плещется красная жидкость. На углу кухонного стола стоит фотографический портрет погибшего Егора, украшенный черным крепом.

– Вина хотите? – спрашивает хозяйка.

– За помин души покойного обязательно.

Ксения достает с полочки еще один бокал.

– Позвольте, я поухаживаю за вами. – Гость щедрой рукой доликает женщине в ее фужер. Немного оставшегося напитка плескается себе. Бутылка кончается, и Савва аккуратно ставит ее на пол рядом с мусоропроводом.

– Ничего, у меня есть еще, – кривовато усмехается женщина. Ей, как и покойному, около сорока, но горе и общая неприбранность на ней, конечно, сказались, высветив морщинки в углу рта и возле глаз.

– Вечная память Егору Петровичу, – недрогнувшей рукой поднимает бокал Савва. – Пусть земля ему будет пухом. Не чокаемся.

Он выпивает до дна, вдова следует его примеру.

Савва достает из щегольского портфеля бумаги.

– Давайте обсудим детали.

VII

В то же самое время опер Коршунов ведет допрос убийцы.

– Понимаете, вы изобличены полностью. Пистолет в машине, из которого только что стреляли. На нем – ваши отпечатки. В обойме недостает трех патронов. А из тела погибшего извлечены три пули. И экспертиза, конечно же, установит, что выпущены они были из вашего пистолета.

– А кто видел-то? – хрипло переспрашивает убийца.

– Да не нужно никому ничего видеть! Судья с такими уликами закатает вас на максимум. А там, глядишь, и мораторий на смертную казнь отменят. Так что велика вероятность, что и вас – как вы покойного Егора Петровича Горчакова – бах, и в затылок. Ах да, вы стреляли не в затылок, а в грудь, а потом в лицо. Но вас все равно в затылок шлепнут, такой уж у наших расстрельных команд обычай.

– Не бей на понт, начальник.

Как бы не обращая внимания на эту реплику, капитан Коршунов продолжает:

– Есть только один прекрасный способ получить снисхождение. Чтоб не исключительную меру к вам применили и не пожизненное, а лет семь-восемь, а то и пять. Всего-то надобно: назвать фамилию-имя заказчика. Или заказчицы.

– Не было никакого заказчика.

– Напомню, что вас задержано двое, гражданин Мятлев, и я ведь с тем же самым вопросом и к подельнику вашему, Сороткину Максиму, обращусь. И тогда меж вами начнется состязание на скорость. Кто мне первым имя заказчика назовет, тот и в выигрыше будет в этом творческом соревновании. А второй, проигравший и не успевший, пойдет по всей строгости закона. Итак, имя заказчика? Или заказчицы?

Убийца молчит.

Опер достает фотографию.

– Не она ли?

С фото смотрит Ксения, вдова Егора Горчакова...

VIII

...которая в то же самое время беседует с похоронным агентом Саввой Сторожевским на кухне своей квартиры. Одна пустая бутылка из-под красного стоит на полу, вторая, наполовину распитая, – на столе. Рядом с бокалами – документы, которые подписала вдова. Она уже изрядно нагрузилась.

– Ах, Савва-Савва, – пьяненько философствует она, – вы ведь, мужики, и понятия не имеете, что такое одиночество. Когда ты сидишь одна, совсем одна, и только ждешь его. Боишься лишней раз позвонить, эсэмэску написать, потревожить, и думаешь: а где он сейчас? Что делает? Может, у другой? И она его ласкает, целует? Думаешь: а не отравиться ли? Или – его отравить?..

– Вы разве с покойным плохо жили?

– Жили и жили! Как все живут! По-разному!.. Но уж теперь-то я точно буду знать, где он каждую минуту находится. Какое кладбище, вы говорите? Богородское?

- Троекуровское гораздо ближе к вам и в смысле пробок намного доступнее.

- Да... - философствует она, - теперь-то я останусь уж совсем-совсем одна... В пустой квартире и никому не нужная... - Она собирается с духом и произносит иным, «деловым» тоном: - Так что ты говоришь: ему нужен костюм?

- Да, будет разумно, если вы сразу отдадите мне ту одежду, в которой хотите его видеть во время прощания.

- А гроб будет открытый?

- Да, мы сделаем так, чтобы след от раны на лице был совершенно незаметен. У нас прекрасные специалисты.

- Пойдем костюм выбирать. Наверное, нужен черный?

Они перемещаются в спальню. Вдова шествует нетвердо, слегка оступается, и Савве приходится ее поддержать.

В квартире оборудована, по последнему слову моды, гардеробная комната - смежная со спальней. Там много барахла. Одна треть пространства принадлежит покойному, две трети - вдове.

- Рубашка, наверное, подойдет вот эта. Строгая, белая. Я подарила ему на прошлый Новый год. И галстук, конечно, тоже черный - хотя он черные не любил, но все равно в гардеробе держал. Смеялся: похоронные... Вот, в этом он отца своего хоронил... И костюм вот этот...

Она снимает со штанги плечики с костюмом, вдруг прижимает его к себе и зарывается в него лицом. Плачет:

- Им пахнет...

А потом роняет костюм и начинает рыдать горько, навзрыд, закрыв лицо обеими руками.

Савва стоит на расстоянии шага, но ничего не предпринимает. Тогда она бросается к нему и начинает в буквальном смысле плакать ему в жилетку, омачивая слезами рубашку и лацканы пиджака. Похоронный агент несмело приобнимает ее и похлопывает по плечам. В его прикосновениях нет ничего сексуального. А вдова вдруг хватает его голову обеими руками и начинает исступленно целовать лицо и губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/prodavec-vechnosti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)